

«Новая Восточная Европа» и стратегические интересы России

А.В. Мальгин

Политический ландшафт современной Европы, тем более «большой» Европы, которая включает часть географической Азии, предельно мозаичен, вбирает в себя разнонаправленные тренды, равно как вызывает и множество предложений по их институциональной систематизации и концептуальному осмыслению.

Исходя из понимания международно-политического региона как совокупности явлений международной жизни, протекающих в определенных территориально-временных координатах, можно констатировать появление устойчивого феномена – «новой Восточной Европы». Компоненты этого региона (а возможно, пока «проторегиона») следующие:

– во-первых, это три страны восточноевропейского фланга СНГ;

– во-вторых, это приграничные страны «классической» Восточной Европы – Польша, Словакия, Венгрия и южные соседи – Румыния, возможно, Болгария. Эти страны являются непосредственными партнерами для реализации приграничного, инфраструктурного и прочего практического взаимодействия постсоветских государств и стремящегося на восток Евросоюза. Некоторые из них активно вовлечены в политическую жизнь своих соседей. Польша и вовсе сделала все возможное, чтобы стать признанным лидером «восточной политики» внутри самого Европейского союза;

– в-третьих, примечательный компонент региона «новой Восточной Европы» – страны Прибалтики. Прошедшие десятилетия, а в обнаженном виде — финансово-экономический кризис, показали, что несбалансированность политики этих стран натолкнулась на неготовность экономики и общества окончательно «уйти с Востока». Последние годы свидетельствуют об адаптации внешнеполитических амбиций к внешнеполитическим ресурсам стран

Прибалтики, что однозначно заставляет их концентрироваться на регионе Восточной Европы, Скандинавии, улучшении отношений с Россией;

– в-четвертых, компонентом «новой Восточной Европы» является и Россия. Она участвует в ней наряду со своим присутствием в других, более крупных, возможно стратегически более важных, региональных системах. Однако это не умаляет для Москвы важности рассматриваемого ареала, тем более что он дает возможности для более адекватного оперирования, как минимум, в двух других плоскостях – общеевропейской и постсоветской.

Используя метод исторических аналогий, наверное, можно констатировать, что в настоящий момент «новая Восточная Европа» напоминает Версальско-Рижский порядок, существовавший в этом регионе с 1921 примерно по 1934 г. Как долго просуществовал феномен или даже регион «новой Восточной Европы»? Международные формы организации этого географического ареала были совершенно разные – от некоего полицентричного единства в XV–XVI вв. до имперского кондоминиума XIX – начала XX в., он выполнял то функции очага государственности нескольких великих наций, то становился глубокой провинцией.

Стратегические интересы России в регионе «новой Восточной Европы», как представляется, можно суммировать следующим образом:

– *неприемлемость любых сценариев военно-политической конфронтации, напряженности или приближения к этому состоянию.* Речь идет

как о общерегиональном уровне, так и о субрегиональных или локальных сегментах этого пространства. В этой связи встает вопрос о фокусировке европейских, евроатлантических и постсоветских механизмов обеспечения безопасности на задачах «новой Восточной Европы». Идеальным вариантом стала бы «интермодальная» система институтов безопасности, ориентированная на задачи региона. Создание каких-либо дополнительных специфических структур безопасности в регионе представляется избыточным и нецелесообразным;

– *международно-политическая и экономическая стабильность на всех этапах региональной системы.* При этом стабильность не статическая, не сохранение status quo, который не на всех направлениях для России комфортный, а стабильность динамическая, с положительным вектором этой динамики. Стабильности с шансом для России. Минимально достаточным условием такой стабильности является наличие самого общего для всех стран региона видения его стратегических очертаний и направления их эволюции;

– *прозрачность и многоканальность региональной системы,* которая давала бы возможность адекватно оценивать намерения и интересы других акторов и транслировать собственные. В значительной степени речь идет о коммуникационной консолидации постсоветского и центрально-восточноевропейского сегментов региональной системы. Достижению этой цели могли бы способствовать выравнивание и активизация всех двусторонних треков российской внешней политики, в том числе контактов на высшем уровне и создание постоянно действующих экспертных механизмов;

– *возможность относительно неконфронтационного наращивания экономического потенциала в рамках всего региона Восточной Европы,* в том числе в слабо освоенных или утерянных Россией сегментах Юго-Восточной Европы, Прибалтики. Россией фактически не освоен потенциал неэнергетических рынков ЦВЕ;

– *приоритезация и поддержание максимально развитых и дружеских отношений с ключевыми странами-партнерами из всех четырех (ЦВЕ, Прибалтика, постсоветский сегмент и Юго-Восточная Европа) сегментов «новой Восточной Европы».* Минимально достаточное число таких партнеров равняется числу сегментов рассматриваемого региона. В ряде случаев подбор такого партнера будет определяться объективными параметрами, в других – субъективной готовностью пойти на особые отношения с Россией;

– *сохранение возможности бесконфликтной российско-центричной консолидации постсоветского сегмента.* Это важно как для содействия реализации пяти вышеперечисленных пунктов, так и для сохранения традиционного гуманитарно-культурного ареала и демографического ресурса. Российско-центричная консолидация может осуществляться как с применением уже сложившихся многосторонних механизмов – ЕврАзЭС/Таможенный союз, Союзное государство, так и сугубо по двусторонней линии. Последнее, по-видимому, станет основным сценарием российско-украинских отношений.

Malgin A. V. «The New Eastern Europe» and the Russian Strategic Interests.